

ТОПОЛОГИКА ОБРАЗОВАНИЯ И ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОЙ ИЗОЛЯЦИИ

С. А. Мартынова (Санкт-Петербург)

Особенности современной философской рефлексии связаны с обращением к топологическим и топографическим стратегиям смыслогенеза. В связи с этим определенные возможности открываются через обращение к топологическому взгляду на образование. В центре внимания оказывается проблемное сопоставление различных позиций смысла в ситуации здесь и теперь, возникает актуализация происходящего в конкретном месте события образования.

Для социализации и образования человека важным является как сохранение памяти о жизненной среде, где рождается и взрослеет человек, так и поиск человеком своего экзистенциального жизненного топоса через вхождение в открытое социальное пространство – в процессы коммуникации и эмоционального контакта. В соответствии с топологической ориентированностью мысли и определением топологической структуры образовательного процесса в социальном пространстве в статье предпринимается попытка понять особенности формирования субъективности в феноменах социального отчуждения. Именно здесь оказываются недейственными стратегии образования, нацеленные на включение индивида в социум.

В связи с определением проблемного поля рефлексии рассматривается наиболее затруднительная для образования область субъективного удержания социальной изоляции. В центре внимания оказываются ситуации, когда складывающиеся благоприятные условия для общения характеризуются в таких позициях интенсивно переживаемой радикальной нехваткой оснований существования (личность не может полноценно включиться в социальное взаимодействие). Для раскрытия данной проблематики автор определяет три ключевых феномена: аутистическая субъективность, невозможность восстановления человека после социальной изоляции и утрата позитивного эмоционального переживания, возникающая как следствие социальной депривации.

Особое внимание при исследовании феномена социальной изоляции направлено на понимание противопоставления в субъективном опыте фик-

© Мартынова С. А., 2014

Мартынова Светлана Александровна – аспирант кафедры философской антропологии и истории философии, Российский государственный педагогический университет им. Герцена.

E-mail: svetlanus.martinova@yandex.ru

Martynova Svetlana Aleksandrovna – post-graduate student of the Chair of Philosophical Anthropology and the History of Philosophy, A. I. Gertsen Russian State Pedagogical University.

сированного места присутствия расширяющему пространству воображаемого. Детальное исследование данного противопоставления показывает, что пространство ограниченного воображаемого, которое поддерживается при социальной изоляции, в социальном плане оказывается именно областью затрудненной коммуникации (невозможность и нежелание представлять состояние другого человека). Таким образом, топологически ориентированное образование при обращении к феномену удержания социальной изоляции сталкивается с проблемой осуществления воображения в индивидуальном опыте. Трудность вызывает применение ориентированных на личностное взаимодействие образовательных моделей именно потому, что они «перечеркиваются» субъективной укорененностью в социальном отчуждении и личностным стремлением к ограничению воображения.

При решении данной проблематики рассматриваются возможные стратегии образования и реабилитации. Делается предположение, что представленные выше ситуации следует рассматривать как осуществление предельного состояния, возникающего в стремлении освободиться от неопределенности (избегание опыта восприятия чрезмерного, генетически восходящего к опыту возвышенного) и проявляющего себя через сохранение этого давления в имплицитной форме.

Именно с учетом субъективной компоненты феномена социальной изоляции могут быть намечены возможные стратегии реабилитации и топологически выстраиваемого образования. Такие стратегии подразумевают комплексный подход: понимание значимости устойчивости и стабильности в индивидуальном опыте, выработка программ адаптации человека к существованию в ситуации неопределенности, повышение значимости доверия в стратегиях социализации и образования, обучение личным стратегиям понимания и принятия иного – восстановление внутренней открытости многообразию и непредсказуемости жизненных впечатлений.

Ключевые слова: образование, социальная изоляция, субъективность, воображаемое, предельный опыт, социальная реабилитация.

THE TOPOLOGICAL PROBLEMS OF EDUCATION AND THE PHENOMENON OF SOCIAL EXCLUSION

S. A. Martynova (Saint-Petersburg)

The specificities of contemporary philosophical reflection are connected with turning to the topographical and topological strategies of the sense genesis. Because of this, certain possibilities arise through addressing the topological point of view on education. The major attention is given to problematic comparison of various positions of sense in the situation of 'here-and-now'. So it becomes possible for us to make an actual view to the event of education in the topos.

It is important for individual socializing and education to keep memory about the space of birth and growing up; nevertheless, it is also important for the

individual development to look for existential living space via coming into open social space in the processes of communication and emotional contacts. Taking into account these conditions of individual development, the author analyses the specificity of subjective growth in such situation as social exclusion. Topological strategies of reflection help us to demonstrate that the phenomenon of social exclusion marks the impossibility of using some social education strategies.

The author discusses some subjective aspects of social exclusion as the most comprehensive factor for realizing education strategies. Special attention is paid to the experience of acute lack of existential foundations; this creates obstacles for optimal social communication. To discuss this problem, the author determines three major phenomena: autistic subjectivity, the phenomenon of 'wild children' and anesthetic subjectivity after social deprivation.

In studying this phenomenon of social exclusion, the major attention is paid to exploring subjective experience of confrontation between the place of presence and the uncertainty of imagined world. Detailed exploration of this confrontation demonstrates us that this restriction of ideality in social space is one of the problems of hindered communication: the impossibility to understand the mental state of another communicating person. Thus, the topologically oriented education, in addressing the phenomenon of keeping the social isolation, encounters the problem of the imagination realization in the individual experience. The difficulties in the application of the educational models oriented to the personal interaction are explained exactly by that they are «crossed-out» by the subjective rootedness in the social alienation and the personal desire to restrict imagination.

In solving these problems, there are considered some possible strategies of education and rehabilitation. A hypothesis is made that the situations presented above should be considered as a realization of a limiting state arising in the aspiration to free from uncertainty (avoiding the experience of perception of the excessive, which genetically goes up to the experience of the sublime). This aspiration manifests itself through continuation of this pressure in the implicit form.

Some strategies of rehabilitation and topologically built education are developed, taking into account the subjective component of the social isolation phenomenon. These strategies presuppose a complex approach: understanding of the significance of stability in the individual experience, development of some programs of individual adaption to the existence in the uncertainty situation, increasing the significance of trust in the strategies of socialization and education, teaching the strategies of understanding and accepting the different – restoration of the internal openness to the variety and unpredictability of life impressions.

Keywords: *education, social exclusion, subjectivity, ideality, the limiting experience, social rehabilitation.*

Особенности современной философской рефлексии связаны с обращением к топологическим и топографическим стратегиям смыслогенеза. В связи с этим определенные возможности открываются через обращение к топологическому взгляду на образование. В центре внимания оказывается проблемное сопоставление различных позиций смысла в ситуации *здесь*

и *теперь*, возникает актуализация происходящего в конкретном месте события образования.

Сохранение памяти о пространстве – жизненной среде, где рождается и взрослеет человек, – является принципиально значимым для его социализации и образования. «Топо-графия и топо-логика открывают конкретную логику истины места таким образом, что хранение места возвышается до представления о хранении существования» [1, с. 12]. Не менее важен поиск человеком своего экзистенциального жизненного топоса через вхождение в открытое социальное пространство – в процессы коммуникации и эмоционального контакта. Особые трудности получения полноценного образования в социуме испытывают те люди, которые оказываются в ситуации *социальной изоляции*.

В соответствии с топологической ориентированностью мысли и определением топологической структуры образовательного процесса в социальном пространстве необходимо понять особенности формирования субъективности в феноменах социального отчуждения. Таким способом можно проследить основные пути реабилитации людей, испытывающих трудности с формированием индивидуального жизненного и образовательного опыта.

Феномен социальной изоляции характеризует ситуацию отторжения человека от общества в результате недостатка или прекращения межличностных контактов и взаимоотношений. При этом проблема эффективности образования возникает именно в переходной области. Даже складывающиеся благоприятные условия для общения характеризуются в таких позициях интенсивно переживаемой радикальной нехваткой оснований существования – личность не может полноценно включиться в социальное взаимодействие. Такая субъективность порождает специфически затрудненные формы адаптации к окружающему миру, и инерционно через стремление сохранить *свое* изолированное место происходит отчуждение человека от общества. В этой связи внимание на себя обращают три типологически определенных феномена социальной изоляции:

– *аутизм*, когда замкнутость аутистического мира (погруженность в вещи и монотонные повторения) изначально препятствует возникновению эмоционального контакта;

– *восстановление* человека после социальной изоляции, когда привычка к замкнутой среде инерционно вызывает желание вернуться к прежнему отчужденному состоянию;

– *социальная депривация*, при которой человек, не получив в свое время необходимой внутренней заботы, даже при наличии внешних благоприятных социальных условий утрачивает способность к эмоциональному переживанию (анестезия, неумение вступать в значимые отношения с другими людьми). Важно отметить, что при депривации пребывание в эмоциональ-

ной скованности имеет свои вполне определенные последствия, поскольку «изоляция... проходит через все социальные ситуации, при которых возникает депривация» [2, с. 25], выстраивается устойчивая соотносительность экзистенциального состояния и отчужденного места.

Итак, в трех вышеобозначенных позициях принципиально значимым является субъективный момент неприятия социализации, когда доминирует внутреннее стремление субъекта к изоляции. Может ли это быть названо «экзистенциальной изоляцией», то есть обозначено исключительно как внутреннее стремление – изоляция, которая «сохраняется при самом удовлетворительном общении с другими индивидами, при великолепном знании себя и интегрированности?» [3]. Для такого определения есть основания, тем не менее важную роль здесь как раз играет несовпадение внутренних устремлений и социальных условий. Индивидуальное отстранение от непредвиденной коммуникации наталкивается на необходимость включения субъективности в коллективные традиции (диалог, игры). В свою очередь ограниченное проявление материнской заботы усиливает неудовлетворенность потребности в ней ребенка (социальная депривация). Так или иначе, проблема состоит в том, что выстраивание социальных контактов становится для такого человека будто бы вовсе ненужным – возникают *превращенные* формы адаптации с негативным наполнением. Они направлены именно на удержание социальной изоляции, сохранение привычного места существования, стабилизацию повседневного опыта через ограничение многообразной открытости социальных отношений. И особая значимость в таком сохранении принадлежит противопоставлению фиксированного *места присутствия* расширяющему *пространству воображаемого*.

В трех вышеописанных феноменах формирование особенностей воображения в соотношении с местом присутствия осуществляется различным образом. Ограниченное действие воображения в аутизме (нежелание играть в игры, представлять ментальное состояние другого человека) происходит вместе с сохранением привычного места, в котором осуществляются стереотипные действия (S. Baron-Cohen). Воображение в случае «диких детей» формируется в социально изолированном пространстве, в результате чего возникает отторжение от многообразия социальной жизни. В ситуации социальной депривации, когда воображение формируется без необходимой эмоциональной поддержки, оно соединено со страхом. В итоге затруднительное выстраивание естественных социально-ролевых отношений в семье [4, р. 205] приводит к созданию социальной изоляции и невозможности «раскованного» творческого осуществления воображения в процессах обучения и личностного развития.

Пространство ограниченного воображаемого, которое поддерживается при социальной изоляции, в целом оказывается областью затрудненной

коммуникации. Состояние предельного напряжения перед непредсказуемостью Другого обращает к недискурсивной коммуникации (жест, состояние аффекта). Когда «правила тождественности, регулирующие различия, больше не действуют, инаковый мир вторгается в нашу экзистенциальную ситуацию и наше нарциссистское Я лишается своего последнего убежища – Внутреннего» [5, с. 19]. При социальной изоляции значимость приобретает именно ограничение антропологического бытия, в котором человек мог бы обратиться с удивлением, восторгом или смущением к происходящим событиям.

Итак, отчужденность от социума происходит как сопротивление открытой обращенности к другому человеку. Стремление уйти от коммуникации указывает на желание избежать воображения неизведанного, непредсказуемого, неопределенного. Можно проследить в связи с этим ряд особенностей коммуникации при «движении» к социальной изоляции. Так, в опыте, который вызывается социальной депривацией и связан с недостаточностью эмоциональной поддержки и заботы, возникает неполнота общения – *недоверчивая* коммуникация. Но именно она становится условием поддержания и сохранения существования даже при благоприятных социальных обстоятельствах, которые, казалось бы, должны доминировать в общении. Таким образом, стремление субъекта сохранить свою отчужденность оказывается способом избегания пугающей экзистенциальной неопределенности, неизбежно сопутствующей осуществлению воображения (представление состояния собеседника) и непредсказуемому («пугающему») присутствию другого человека.

Можно было бы говорить, что опыт поддержания социальной изоляции является *пограничным*: он связан с выходом за пределы социальной нормологии и несовпадением с ценностными ориентациями культурной и образовательной среды. Но для субъекта такой опыт реально выступает как ограничение неустойчивости, переходности, изменения. В отмеченном выше смысле он является одним из способов индивидуального самосохранения. (Проблема саморазвития в культурных нормах имеет противоположные полюса направленности: развитие «темы индивида» через покидание социального мира и формирование индивидуальности при нахождении в мире [6, с. 296].) Опыт сохранения социальной изоляции связан с наличием и поддержанием определенного состояния – так возникает и может быть реализовано стремление к экзистенциальной устойчивости. Фиксируется невозможность покинуть пространство, в котором опыт разворачивается. Следовательно, усилия поддержания социальной изоляции направлены на обретение устойчивого места существования.

Итак, топологически ориентированное образование при обращении к феномену удержания социальной изоляции сталкивается с проблемой осуществления воображения в индивидуальном опыте. Трудность вызы-

вает применение ориентированных на личностное взаимодействие образовательных моделей именно потому, что они «перечеркиваются» субъективной укорененностью в социальном отчуждении.

Какие стратегии восстановления и реабилитации могут быть применены по отношению к такому опыту?

М. Фуко иллюстрирует идеи XVIII в., согласно которым в случае подержания изоляции воображение освобождается от себя самого через свое же ослабление. Именно так возникает представление о том, что «изоляторы» могут обладать терапевтической функцией: через погруженность одержимых безумием в монотонный опыт относительно свободных действий, в котором затухает обостренность воображения. Тем не менее подобному взгляду противостоит вопрос самого М. Фуко: «Не связана ли такая изоляция с риском, что безумие, получив относительную свободу, целиком предоставленное пароксизмам собственной истины, само собой окрепнет, как бы подчиняясь постоянному ускорению?» [7, с. 508]. Иными словами, «молчанием вещей» и возвращением в естественное состояние обязанностей безумие будет невозможно излечить. Более того, произойдет его обострение.

На решение задачи «нормализации воображаемого» направлены также усилия представителей психоанализа, предложивших лингво-дискурсивные практики исследования бессознательного: «свобода в изоляции лечит сама по себе... однако процесс лечения здесь протекает в прямо противоположном направлении: фантазмам не только не позволено облекаться плотью слов и изъясняться с их помощью – напротив, они обречены исчезнуть перед лицом упорного, весомого в своей реальности молчания вещей» [8, с. 509].

Особенно актуальной проблема определения границ и способов раскрытия воображаемого становится при обращении к субъективным усилиям сохранения изоляции. Здесь мы наблюдаем, на первый взгляд, обратную ситуацию: возникает стремление избежать раскованного осуществления воображения как того, что может произойти в пространстве сверх-интенсивного чувствования и представления-встречи с неизвестным. Но способствует ли такое состояние изоляции и в этом случае «нормализации воображаемого»?

Для определения возможностей и стратегий образования и реабилитации при социальной изоляции, необходимо изначально прояснить, какова природа соответствующего экзистенциального усилия: уход от чего оно демонстрирует? Для ответа на этот вопрос и придания более точной и определенной смысловой значимости появляющимся экзистенциалам имеет смысл предположить, что состояние избегания, которое на протяжении рефлексии XX–XXI вв. осмысливалось в различных терминах, может быть генетически связано с возвышенным.

Возвышенное связано с *непредставимым* и *неопределенным* – формированием неустойчивого опыта. Так, в рассуждениях Ф. Ницше и Ж. Батая подобный опыт представлен как предельный. Он указывает на границу, которая возникает через представление непредставимого и формируется усилиями самопреодоления и самопревосхождения [9]. В ряде других концепций такой опыт обозначен через категорию предела для указания на область неопределенного и обозначения такого модуса формирования субъективности, когда явной становится невозможность преодолеть внутреннее состояние неопределенности – вывести себя из пространства воображаемого. Один из подобных модусов представляет собой понимание творчества как погружения в «сущностное одиночество» [10].

Дело в том, что особенности воображения при социальной изоляции характеризуются близостью к страху перед чрезвычайным и неопределенным. Специфическим образом происходит вхождение в ситуацию *возвышенного*, когда в центре внимания оказываются «чрезмерные пространственно-временные сокращения, вызываемые глобальными коммуникационными технологиями, в результате которых повседневное восприятие становится в основе своей дестабилизирующим и непомерным» [11, р. 12]. В рассматриваемой ситуации ухода в социальную изоляцию особым образом воспроизводимый опыт «возвышенного» содержит страх перед необъятным и вызывает обратное стремление: другой человек и весь окружающий мир остаются за пределами представления. Границы воображения фиксируются как стремление к ограничению проявления чувств в пределе столкновения с неизведанным.

Таким образом, проявляются существенные различия и оттенки предельного опыта в их соотнесенности с границами пространства воображаемого. Это показывает важную особенность феномена субъективной устремленности к удержанию социальной изоляции – избегание *неопределенного* как вхождение в область *неизвестного* и *неустойчивого*. Отмеченное позволяет обозначить рефлексивные особенности такого вхождения как предельный опыт, в котором субъективно ограничивается область воображаемого.

Можно утверждать, что в феноменах социальной изоляции возникает особый опыт переживания и рефлексии «возвышенного», когда усилия субъекта направлены на ограничение такого опыта. Вместе с «чрезвычайным восприятием» опыт характеризуется состоянием сдерживаемого воображения, намеренным отстранением от ситуации интенсивного восприятия и переживания мира в процессах коммуникации и творчества. Наряду с этим в рассматриваемых феноменах опыт отчуждения и страх неизведанного соотносится с привычным местом существования, которое удерживает субъект («место отчуждения»). Как раз это свидетельствует об экзистенциальной потребности в сохранении привычного места и не-

возможности перехода в открытое и творчески выстраиваемое социальное пространство.

Важно обратить внимание на то, что по ряду позиций формирование предельного опыта аналогично процессу становления субъективности в феноменологической психиатрии, где особо подчеркивается соотношение динамики и открытости к другому человеку. Движение «свойственно человеку, поскольку он всегда стремится выйти за свои пределы, всегда направлен к другому... Человек не смог бы встретить Другого как такового, если бы не обладал определенными границами, но он не мог бы быть определенным, если бы в отношении к нему не проявлялась активность...» [8, с. 275]. В случае с удержанием социальной изоляции речь, напротив, идет об отсутствии стремления к выходу за пределы своего места – опыт осуществляется как некоторое не-действие, нежелание риска, неопределенности, неизвестности.

Возникает вопрос: исчезает ли экзистенциальное напряжение при «уходе» от непомерного осуществления воображения?

Действительно, встреча с тем, что является неопределенным (чрезмерная интенсивность опыта аутиста, выход субъекта из социальной изоляции, пугающий и монструозный опыт социальной депривации при изначальной недостаточности эмоциональной поддержки) оказывает деструктивное действие на субъекта. Поэтому в опыте намеренного поддержания социальной изоляции происходит ограничение воображаемого. Вместе с тем это ограничение сохраняется как экзистенциальное напряжение, которое осуществляется в своей имплицитной форме в качестве отчужденности от социума – социальной пассивности.

Характерно, что ограничение пространства воображаемого оставляет само воображение в невыраженном состоянии – усиливает тенденцию к проявлению его в спонтанных и непостоянных формах. Опыт, который разворачивается при феномене социальной изоляции как страх столкновения с неопределенным, устремлен не к своему утверждающему проявлению, а в большей степени к эмоциональной и коммуникационной скованности. Вследствие вынужденного социального не-действия такой опыт может трансформироваться во внезапную интенсивность и получать экстремальное выражение (крик, утрата самообладания при сохраняющейся депривации и аутизме, проявление «одичавшего» состояния), что очевидно обнажает сверх-интенсивный модус переживания. В целом речь идет об усилении деструктивных характеристик воображаемого: воображение не может получить естественное выражение и освободиться от своей «тяжести изоляции», пребывая в «молчании вещей».

Следовательно, представленные выше ситуации следует рассмотреть как осуществление предельного состояния, возникающего в стремлении освободиться от неопределенности и проявляющего себя через сохранение

этого давления в имплицитной форме. Так осуществляется удержание пространства социальной изоляции. Именно с учетом субъективной компоненты феномена социальной изоляции могут быть намечены возможные стратегии реабилитации и топологически выстраиваемого образования. Прежде всего речь должна идти о значении места присутствия при формировании субъективности. Важную роль играет сохранение устойчивости и стабильности в индивидуальном опыте, нарушение которого ведет к замешательству, агрессии, непониманию, дезориентации в индивидуальном опыте. Тем не менее открытость другому не означает самоутрату: «в практическом и этическом представлении самопознание не есть то, что может быть обнаружено в изоляции от других» [12, р. 7]. Поиск возможностей осуществления личностного развития во многом связан с первичной субъективной адаптацией к жизненной среде.

Следует подчеркнуть принципиальную важность совершенствования образования через развитие воображаемого. Восстановление и реабилитация субъективного опыта, направленные на преодоление социальной изоляции, связаны с выработкой программ адаптации к существованию в ситуации неопределенности, когда наиболее значимым оказывается *доверие*. Таким образом, осуществляется восстановление потребности в сфере воображаемого – освобождение от страха перед неизведанным, восстановление выхода за собственные «местные» пределы, открытость коммуникации и творчеству.

Принципиальную роль при выходе из социальной изоляции играет самостоятельное преодоление страха перед неопределенным. Становится важным изобретение личных стратегий понимания и принятия иного – восстановление внутренней открытости многообразию и непредсказуемости жизненных впечатлений. Показательным в этом смысле является опыт женщины-аутиста Уильямс, которая вырабатывала («тренировала») целостное понимание речи другого человека через восприятие передаваемых смыслов в качестве собственных мыслей [13].

Таким образом, в образовании и преодолении социальной изоляции чрезвычайно важно восстановить значимость личного *присутствия* в пространстве воображаемого. На этом пути могут быть созданы условия для высвобождения экзистенции от отчуждения, изоляции и деструктивного поведения. Так, возможно приведение в соотнесенность пространства существования личности с многообразием явлений мира и опытом других людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Грякалов А. А.** Письмо и событие. Эстетическая топография современности. – СПб. : Наука, 2004 – 488 с.

2. **Лангмейер Й., Матейчек З.** Психическая депривация в детском возрасте. – Прага : АВИЦЕНУМ, 1984. – 334 с.
3. **Ялом И.** Экзистенциальная психотерапия. – М. : Класс, 1999. – 576 с.
4. **Гинзбург К., Милтир Р.** Значение игры в содействии развития здоровых детей и поддержания прочных связей «родитель-ребенок»: нуждающиеся дети // Педиатрия. – 2012. – № 119 (1). – С. 182–191.
5. **Подорога В. А.** Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. – М. : Ad Marginem, 1995. – 339 с.
6. **Декомб В.** Дополнение к субъекту: исследование феномена действия от собственного лица. – М. : Новое литературное обозрение, 2011. – 576 с.
7. **Фуко М.** История безумия в классическую эпоху. – М. : АСТ; АСТ МОСКВА, 2010. – 698 с.
8. **Власова О. А.** Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. – М. : Территория будущего, 2010. – 640 с.
9. **Батай Ж.** Внутренний опыт. – СПб. : Аxiома, 1997. – 366 с.
10. **Бланшо М.** Пространство литературы : пер. с фр. В. П. Большакова и др. – М. : Логос, 2002. – 288 с.
11. **Морли С.** Возвышенное. – Cambridge, Mass : The MIT Press, 2010. – 237 с.
12. **Галлахер Ш., Уотсон С. Я.** и др.: междисциплинарные подходы к исследованию интересубъективности. – Руан: Публикации de l'Universit  de Rouen, 2004. – 380 с.
13. **Williams D.** Somebody Somewhere. – [Электронный ресурс]. – URL: www.donnawilliams.net/somebodysomewhere.0.html (дата обращения: 22.01.2014).

REFERENCES

1. **Gryakalov A. A.** Letter and the event. Aesthetic topography of modernity. – St.Petersburg : Nauka, 2004. – 488 p.
2. **Langmeier St., Matejcek Z.** Psychological deprivation in childhood. – Prague : AVICENUM, 1984. – 334 p.
3. **Yalom. D. I.** Existential Psychotherapy. – Moscow : Class, 1999. – 576 p.
4. **Ginsburg K., Milteer R.** The importance of play in promoting healthy child development and maintaining strong parent-child bond: focus in children in poverty. – Pediatrics. – 2012. – № 119 (1). – P. 182–191.
5. **Podoroga V. A.** Expression and meaning. Landscape worlds of philosophy. – Moscow : Ad Marginem, 1995. – 339 p.
6. **Descombes V.** Addition to the subject: Researching the phenomenon of action on its behalf. – Moscow : New literary review, 2011. – 576 p.
7. **Foucault M.** History of madness in the Classical era. – Moscow : AST; AST MOSKVA, 2010. – 698 p.
8. **Vlasova O. A.** Phenomenological psychiatry and the existential analysis: history, thinkers, problems. – Moscow : Publishing house «Territory of the future», 2010. – 640 p.
9. **Bataille J.** Inner experience. – St. Petersburg: Axioma, 1997. – 366 p.
10. **Blanchot M.** The space of literature. – Trans. by V. P. Bolshakov and etc. – Moscow : Logos, 2002. – 288 p.
11. **Morley S.** The Sublime. – Cambridge, Mass: The MIT Press, 2010. – 237 p.
12. **Gallagher S., Watson S.** (eds) Ipseity and alterity: interdisciplinary approaches to intersubjectivity. – Rouen : Publications de l'Universit  de Rouen, 2004. – 380 p.
13. **Williams D.** Somebody Somewhere. – URL: www.donnawilliams.net/somebodysomewhere.0.html (date of access: 22.01.2014).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агамбен Д.** Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. – М. : Изд-во Европа, 2012. – 192 с.
- Барон-Козэн С.** Социальный и прагматический дефицит в аутизме: когнитивный или аффективный? // Журнал по аутистическим проблемам и нарушению развития. – London, 1988. – № 18 (3). – С. 379–402.
- Батай Ж.** Внутренний опыт. – СПб. : Аxioma, 1997. – 366 с.
- Баттерсби К.** Возвышенное, ужас и различия между людьми. – Лондон : Routledge, 2007. – 240 с.
- Бланшо М.** Пространство литературы : пер. с фр. В. П. Большакова и др. – М. : Логос, 2002. – 288 с.
- Бородай Ю. М.** Воображение и теория познания: (К критике кантовского учения о продуктивной способности воображения). – М. : Высшая школа, 1966. – 150 с.
- Вахштайн В. С.** Социология повседневности и теория фреймов. – СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2011. – 344 с.
- Выготский Л. С.** Развитие высших психических функций // Собрание сочинений : в 6 т. – М., 1983. – Т. 3. – 369 с.
- Галлахер Ш.** Как тело формирует сознание. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 294 с.
- Григорьева Н. Я.** Эволюция философской антропологии в 1920–1950-х гг.: радикализация образа человека. – М., 2009. – 454 с.
- Кант И.** Критика способности суждения // Собрание сочинений : в 8 т. – М. : Изд-во ЧОРО, 1994. – Т. 5.
- Каркани-Расвелл И., Рэйб-Хаскес С., Сантош. П. Дж.** Повторяющееся и стереотипное поведение в распространяющихся нарушениях развития // Журнал по детской психологии и психиатрии. – 2006. – № 47. – С. 573–581.
- Лакан Ж.** Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959–60)). – М. : Гнозис ; Логос, 2006. – 416 с.
- Левинас Э.** Тотальность и бесконечное : пер. И. С. Вдовиной. – М. : СПб. : Университетская книга, 2000. – 416 с.
- Лефевр А.** Производство пространства. – Oxford : Blackwell Publishers, 1994. – 435 с.
- Лехциер В. Л.** Феноменология «пере». Введение в экзистенциальную аналитику переходности. – Самара : Самарский ун-т, 2007. – 332 с.
- Никольская О. С., Баенская Е. Р., Либлинг М. М.** Аутичный ребенок. Пути помощи. – 7-е изд. – М. : Терезинф, 2012. – 288 с.
- Пиаже Ж.** Психология интеллекта // Избр. психол. труды. – М., 1969. – [Электронный ресурс]. – URL: psyjournals.ru/authors/a1871.shtml (дата обращения: 21.01.2014).
- Питерс Т.** Аутизм: от теоретического понимания к педагогическому воздействию. – СПб. : Ин-т спец. педагогики и психологии, 1999. – 192 с.
- Секацкий А. К.** Эстетика в эпоху анестезии // Глобализация в социально-философском измерении: сб. материалов конференции. – СПб. : Санкт-Петербургское филос. об-во, 2003. – С. 65–81.
- Сонгаг С.** Смотрим на чужие страдания. – М. : Ad Marginem Press, 2014. – 96 с.
- Хаше Ф.** Понимание ценных качеств и нарушений в аутизме: почему успех более любопытен, чем неудача // Психолог. – 1999. – № 12 (11). – С. 540–547.

BIBLIOGRAPHY

- Agamben D.** Homo sacer. What remains after Auschwitz: archive and witness. – Moscow : Publishing house «Europe», 2012. – 192 p.
- Baron-Cohen S.** Social and pragmatic deficits in autism: cognitive or affective?. – Journal of autism and development disorders. – London, 1988. – № 18 (3). – PP. 379–402.
- Bataille J.** Inner experience. – St. Petersburg: Axioma, 1997. – 366 p.
- Battersby C.** The sublime, terror and human difference. – London : Routledge, 2008. – 240 p.
- Blanchot M.** The space of literature / Trans. by V. P. Bolshakov and etc. Moscow : Logos, 2002. – 288 p.
- Boroday Y. M.** Imagination and the theory of knowledge: (To criticism of the Kantian doctrine of the productive capability of the imagination). – Moscow: Higher school, 1966. – 150 p.
- Carcani-Rathwell I., Rabe-Hasketh S., Santosh P. J.** Repetitive and stereotyped behaviors in pervasive developmental disorders. – Journal of child psychology and psychiatry. – 2006. – № 47. – PP. 573–581.
- Gallagher S.** How the body shapes the mind. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 294 p.
- Grigoryeva N. Y.** The evolution of the philosophical anthropology in 1920-1950-s: the radicalization of the human image. – Moscow, 2009. – 454 p.
- Happe F.** Understanding assets and deficits in autism: why success is more interesting than failure. – Psychologist. – 1999. – № 12 (11). – P. 540–547.
- Kant I.** Critique of judgment. – The collected works in 8 vol. – Vol. 5. – Moscow : Publisher: CHORO, 1994.
- Lacanau J.** The ethics of psychoanalysis (Seminars: the Book VII (1959–1960)). – Moscow: Gnozis, Logos, 2006. – 416 p.
- Lefebvre H.** The production of space. – Oxford : Blackwell Publishers, 1994. – 435 p.
- Levinas E.** Totality and infinity / Trans. by Vdovina I. S. – Moscow – St. Petersburg : University book, 2000. – 416 p.
- Lehcier V. L.** The phenomenology of «trans». Introduction to the existential dimension of transitivity. – Samara : The Samara State University, 2007. – 332 p.
- Nicholskaya O. S., Baenskaya E. R., Libling M. M.** Autistic child. The ways of assistance. Ed. 7 – Moscow: Terevinf, 2012. – 288 p.
- Piaget. J.** The Psychology of intelligence. – Selected psychological works. – Moscow, 1969. – URL: psyjournals.ru/authors/a1871.shtml (date of access: 21.01.2014).
- Peters T.** Autism: from the theoretical understanding to the pedagogical influence. – St. Petersburg: The Institute of special pedagogy and psychology, 1999. – 192 p.
- Sekatskiy A. K.** Aesthetics in the era of anesthesia. – Globalization in a socially-philosophical dimension. The collection of materials of the conference. – St. Petersburg : Saint-Petersburg philosophical society, 2003. – P. 65–81.
- Sontag S.** Regarding the Pain of Others. – Moscow : Ad Marginem Press, 2014. – 96 p.
- Vakhshtain V. C.** The sociology of everyday life and the theory of frames. – SPb. : Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2011. – 344 p.
- Vygotsky L. S.** The history of the development of higher mental functions. – The collected works of L. S. Vygotsky. – Vol. 3. – Moscow, 1983. – 369 p.

Принята редакцией: 02.04.2014